

Виртуалистика. Историческая укорененность и методологические возможности

С. А. Либерман

аспирант кафедры социальной философии, Казанский федеральный университет.
Россия, г. Казань. E-mail: samsonliberman@gmail.com

Аннотация: Цель данной работы – рассмотреть виртуалистику как особый методологический подход в философии, новый способ философствования с исторической точки зрения и его методологические возможности. Методологически мы будем опираться на работу Л. Г. Ионина «Диффузные формы социальности», где автор, в том числе, рассматривает исторические истоки онтологических оснований феноменологической социологии Альфреда Шюца. Один из главных результатов этой работы – выявление исторической природы «естественной установки» и феномена «повседневности» как форм социального. Основной тезис настоящей работы можно сформулировать схожим образом: «Виртуальность и виртуалистика как теория виртуальности – это продукт длительного исторического развития и имеет как исторические, так и логические предпосылки и основания».

Актуальность исследования диктуется актуальностью и популярностью самого направления и подхода виртуалистики. Это, в свою очередь, связано с назревшим методологическим кризисом в общегуманитарных и социальных науках, условно соотносимым и связываемым с ситуацией постмодерна и теоретическими установками постструктурализма. Подобный кризис требует новых философских парадигм и подходов, на это место и статус, собственно, и претендует виртуалистика. Поэтому нам кажется важным понимание и включение его в исторический и логический контекст. Предметом статьи является актуальность этого подхода, в наши задачи, в том числе, входит выяснение причин обращения современных теоретиков и философов к полионтичным теоретическим построениям и онтологическим конструкциям. На наш взгляд, установление исторического контекста виртуалистики поможет выявить методологические возможности, эвристическую ценность и границы применения данного подхода.

Ключевые слова: виртуалистика, полионтичность, историзм, отрицание.

Что такое виртуалистика?

За образец виртуалистики мы возьмем те положения, которые Н. А. Носов, «родоначальник» [8, с. 10] виртуалистики, сформулировал в своей монографии «Виртуальная психология». Главным из них является положение о полионтичности: «Подход, основанный на признании полионтичности реальностей, разработанный и описанный нами, получил название «виртуалистика» [7, с. 32]. Новшество подхода заключается в признании онтологической самостоятельности многих виртуальных реальностей. Примечательно, что этот полионтизм уравнивается вполне привычными нам дуальными отношениями «виртуальная реальность – константная реальность», то есть порождающая и порождаемая, правда, утверждается их относительный характер: «"Виртуальность" и "константность" образуют категориальную оппозицию... онтологический статус этих категорий является относительным: виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно нее константной реальностью. И в обратную сторону – виртуальная реальность может "умереть" в своей константной реальности – свернуться в элемент своей константной реальности, которая имеет статус виртуальной по отношению к своей константной реальности» [7, с. 33–34].

Также Н. А. Носов выделяет четыре основных признака виртуальной реальности, которые необходимо обозначить, чтобы прояснить значение этого понятия:

- **«Порожденность».** Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней.
- **Актуальность.** Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность.
- **Автономность.** В виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования. В виртуальной реальности для человека, в ней находящегося, нет внеположного прошлого и будущего.
- **Интерактивность.** Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них» [7, с. 33].

Подобная попытка понимания какого-либо явления, с одной стороны, как порожденное, с другой – как вполне самостоятельное, может напомнить трактовку понятия «идеальное» у Э. В. Ильенкова

[5, с. 6–62]. На наш взгляд, подобная схожесть может быть объяснена схожестью тех исторических задач, которые решают авторы. Оба они работают в одной и той же среде поздней советской философии и оба разрабатывают новый подход к объяснению идеального вообще и сознания в частности. Однако если Э. В. Ильенков старается предельно развить и уточнить уже имеющийся инструментарий диалектической логики, то Н. А. Носов стремится к его преодолению. Если огрублять и спрямлять, то Ильенков пытается создать что-то вроде «тонкого монизма» или тонкого номинализма, в то время как Н. А. Носов открыто порывает с монистической диалектической традицией.

Также ученый старается всеми силами дистанцироваться от привычного нам сегодня понимания виртуальной реальности как сугубо компьютерного или киберпространства. Для этого он проводит серьезный анализ исторических корней данного термина. Начинает он с использования в латыни эпитета “virtus” [7, с. 18], продолжает анализ судьбой категориальной средневековой пары «виртуальная реальность/субстанциальная реальность» в Новое время [7, с. 22–31] и заканчивает востребованностью понятия виртуального в современной физике микрочастиц, психологии и военной медицине [7, с. 32].

Попытка исторического рассмотрения

Предметом же нашего рассмотрения является не само понятие виртуального, но тот философский подход, или, если угодно, проект «энергийной философии», предложенный Н. А. Носовым, активно развиваемый сегодня такими учеными, как М. А. Пронин [8], С. С. Хоружий [10], Я. В. Чеснов [11] и многими другими. Этой задаче, например, посвящена глава в монографии М. А. Пронина «Виртуалистика в институте человека РАН», однако ряд вопросов, касающихся исторического контекста феномена, остался нераскрытым.

Итак, каковы исторические предпосылки названного нами философского подхода? На наш взгляд, исторический анализ предполагает два диалектически связанных направления анализа. Под первым направлением анализа мы будем понимать такую логику исторического исследования, при которой рассматриваемый феномен понимается в первую очередь как особая стадия или фаза развития единого исторического процесса или события, то есть как фаза события истории. Не важно, будем ли мы понимать мировую историю как события Абсолютной Идеи, или как развития форм Труда и Капитала, или же возьмем более локальные рамки, важно, что рассматриваемый феномен понимается как проявления некой а-исторической, внеположенной истории *сущности*. Таково то направление анализа, которое мы условно обозначили как «логическое».

Второе же направление анализа, которое мы условно обозначили как «историческое», представляет собой детерминацию не изнутри единого процесса, а детерминацию внешнюю, то есть понимание феномена как часть особой «эпохи», исторического этапа, стадии. Если в первом случае феномен понимается как свершение и развитие *мирового* исторического процесса, то во втором он понимается как заложник *своей* эпохи, *своего* времени. Так, например, анализ, который предлагает М. А. Пронин, определяя виртуалистику в ряд современной ей постнеклассической рациональности [8, с. 138], скорее относится ко второму направлению, а понимание Л. Г. Иониным «повседневности» в ее шюцевском значении как формы развития «диффузных форм социальности» [6, с. 50–90] – к первому. По сути, здесь будет работать метод диалектики логического и исторического.

Очевидно, что подобное деление на логический анализ и исторический условно, и отношения их являются диалектическими в том плане, что благодаря своей противоположности по направлениям, по векторам, они являются взаимосвязанными и взаимодополняющими, один без другого неосуществим. Так что можно лишь говорить об акцентах на том или ином направлении исторического анализа, которые делают исследователи в своих работах.

Логические предпосылки

Начиная с первого, логического, направления анализа необходимо сразу уточнить, что виртуалистику мы здесь будем понимать как особый конкретно-исторический способ философствования, а если более конкретно, то форму развития и разрешения постнеклассической философии.

Для прояснения категорий классика и неклассика сошлемся на работы Д. Э. Гаспарян. Согласно ей, неклассику и следующую за ней постнеклассику, следует понимать как «расширение имманентного» [2, с. 37] и, соответственно, последующую «тотализацию имманентного» [2, с. 126]. Утверждается, что неклассика, движение к которой начинается с Г. В. Ф. Гегеля, – суть разрешение платоновского (конечно, условно платоновского) «двоемирия» трансцендентного и имманентного. Пресловутый гегелевский панлогизм призван разрешить старое противоречие между миром идей, сущностей, эйдосов – и миром вещей, явлений. Положение о являющихся сущностях, которое мы уже приводили, указывает направление развития всей последующей философии. Введенный Гегелем принцип отрицания или снятия, понимаемый как принцип движения и развития, становится мостиком между разделенными «миром горним» и «миром дольным».

Итак, трансцендентное и имманентное, впервые увязанные вместе Гегелем как отрицающие друг друга и друг в друга, начинают движение навстречу друг другу. Но если Гегель остается все же больше классиком, нежели неклассиком, и у него граница между трансцендентным и имманентным четко очерчена, мало того, субъектом движения остается именно трансцендентное, то последующие философы развивают и радикализуют этот принцип. Неклассика предельно расширяет имманентное, эта работа начинается уже, например, Марксом, а постнеклассика в лице Бодрийара, Шюца, Делеза и многих других элиминирует трансцендентное вообще.

Однако если неклассику и постнеклассику можно понимать как разрешение и развитие диалектического принципа отрицания Гегеля, который в свою очередь является развитием и разрешением противоречия между трансцендентным и имманентным, то виртуалистику следует понимать как разрешение и развитие «тотализации имманентного», характерное для постнеклассики в целом и постмодерна в частности. Тотальное отрицание, тотальная «повседневность» как теоретическая установка, как философский подход также имеет свои противоречия, рассмотрением и преодолением которых занята философия с тех пор, как постнеклассика утвердилась в качестве доминирующего философского подхода, то есть как минимум последние 30–40 лет. Разговоры о преодолении постмодерна, о входе в новую эпоху post-post-modern, after-post-modern стали сегодня уже привычными [3; 9; 2]. И виртуалистика, на наш взгляд, является попыткой преодоления противоречий постнеклассического подхода. Относительно иерархизированная дуальная полионтичность – суть ответ на тотализацию имманентного.

В этом отношении становятся понятны апелляции и ссылки виртуалистики на средневековую онтологию виртуального как догегелевский способ разрешения противоречий «платоновского двоемирия». Однако виртуалистика, несмотря на внешнюю схожесть и самоназвание, по своей внутренней логике происхождения гораздо ближе к постмодерну и постнеклассике нежели к средневековой философии, которая, например, никогда бы не примирилась с относительностью категорий константное/виртуальное или интерактивностью виртуальных миров. Онтологический разрыв между имманентным и трансцендентным для виртуалистики не является проблемой, она его просто не знает, ее базовой посылкой является как раз противоположное положение. Проблемой виртуалистики, ее исходным противоречием, от которого она отталкивается, является не «платоновский» дуализм, но гегелевский диалектический монизм.

Исторические предпосылки

Что же до исторических предпосылок виртуалистики, то, на наш взгляд, к таковым можно отнести нарождающиеся новые социальные отношения, которые можно условно назвать виртуальными. Так, к примеру, Н. А. Носов в своей монографии старается отмежеваться от понимания виртуальной реальности как реальности компьютерной или киберпространства [7], однако вынужден признать, что именно сам факт появления подобных технологий и их распространения является исторической предпосылкой виртуалистики как подхода в философии и психологии.

Новые компьютерные технологии породили совершенно новые способы коммуникации, которые, в свою очередь, и изменили наличные социальные отношения. Наш тезис состоит в том, что благодаря новым технологиям в области коммуникации господствующий способ социальных отношений, описываемый Бодрийаром как «масса», а Бауманом – как «текущая современность», сменяется совершенно иным. Ключевыми характеристиками «массы» является ее аморфность, импловивность и пассивность [1, с. 8]. Однако социальные отношения, строящиеся на основе новых «виртуальных» способов коммуникации, отличаются наличием четкой, предельно формализованной структуры.

Звезда популярной музыки или участник реалити-шоу (вот она, аморфность и неразличимость, реализованная в самоназвании) существует наглядно и телесно, только здесь и сейчас, но участник интернет-коммуникации – исключительно как набор символов, в пределе – как комбинация единиц и нолей компьютерного кода. Необходимость самопрезентации в интернет-пространстве вынуждает меня выносить свою представленность вовне, структурировать ее, фактически создавать своего двойника, причем двойника предельно формализованного и общезначимого, понятного для других. То, что Гегель называл пустыми абстракциями у Канта («вещь-в-себе» и «вещь-для-нас»), становится сегодня реальными самодовлеющими элементами общественных отношений. Перевод виртуальности «в цифру» снова отделил означаемое и означающее друг от друга. Необходимость самопрезентации в интернет-пространстве порождает раздвоенность индивида и, следовательно, особую структуру и форму.

Что же касается пассивности, характерной для массы, то здесь мы тоже сегодня наблюдаем серьезные перемены. Возвращаются все старые социальные противоречия, о которых успели забыть, а многие и похоронить, – национальные, экономические, политические, религиозные и т. д. Бодрийар писал, что убийство Кеннеди было последним политическим убийством, знаменующим собой конец полити-

ческого как такового [1, с. 37]. С. Жижек в свое время назвал 11 сентября 2001 г. концом отпуска от Истории [4]. Сегодня политические убийства и теракты снова становятся нормой жизни.

И, как нам кажется, катализатором всех этих процессов можно считать виртуальную реальность. По крайней мере, тот политический всплеск, который мы наблюдаем в современной России примерно с 2011 г., вырос именно из интернет-сообществ. Это равно применимо как к антиправительственному протестному движению, так и к проправительственному. Виртуальный мир интернет-пространства, требующий от индивида самопрезентации, порождает его раздвоенность, зазор и, как следствие, противоречие между представленностью и наличностью. Именно это противоречие и является посылкой, например, к политическому действию, не важно, будь это выход на антиправительственный/проправительственный митинг, участие в террористическом акте или участие в военных действиях на территории других стран.

Заключение

Основные исторические предпосылки виртуалистики как особого философского подхода – кризис постнеклассической философии, понимаемой как тотализация имманентного, и появление новых форм социальных отношений, строящихся на новых, цифровых, способах коммуникации. Это позволяет предположить, что виртуалистика является качественно новым и притом предельно актуальным способом философствования, с которым нужно действительно считаться, и который имеет все, для того чтобы стать одним из ведущих направлений в современной философии. Однако представляется, что именно предельная актуальность есть симптом безусловной историчности феномена, и попытки представить виртуальные реальности за аисторическое, иногда даже метафизическое явление, тем самым расширив границы виртуалистики как теоретического подхода, которые можно наблюдать в работах Н. А. Носова и его последователей, могут быть подвергнуты обостренной критике. Виртуальность и как теоретический подход, и как способ социальных отношений имеет свои исторические предпосылки. А значит, имеет и временные границы существования, и эвристические границы применимости, как и любой исторический феномен.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 95 с.
2. Гаспарян Д. Э. Социальность как негативность. М. : Кн. дом «Университет», 2007. 256 с.
3. Демин И. В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2015. 251 с.
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
5. Ильенков Э. В. Дialeктика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 6–62.
6. Ионин Л. Г. Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения : сб. материалов ежегод. методол. семинара. 1997. № 2. С. 50–90.
7. Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : «Аграф», 2000. 432 с.
8. Пронин М. А. Виртуалистика в Институте человека РАН / Рос. акад. наук ; Ин-т философии. М. : ИФРАН, 2015. 179 с.
9. Терещенко Н. А. Социальная философия после «смерти социального». Казань : Казан. ун-т, 2011. 368 с.
10. Хоружий С. С. Очерки синергичной антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
11. Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М. : Ин-т философии РАН, 2007. 213 с.

Virtualistics. Historical roots and methodological opportunities

S. A. Lieberman

post-graduate student of the Department of social philosophy, Kazan Federal University.
Kazan, Russia. E-mail: samsonliberman@gmail.com

Abstract: The aim of this work is to consider virtualistics as a special methodological approach in philosophy, a new way of philosophizing from a historical point of view. In methodological way we will build on the work of Ionin L. G. "Diffuse forms of sociality", where the author, in particular, considers the historical origins of the ontological basis of the phenomenological sociology of Alfred Schutz. One of the main results of this work is to identify the historical nature of the phenomenon of "everyday life" as form of social. The main thesis of the present work can be formulated in a similar way: "Virtualistics as a theory of virtuality is the product of a long historical development and has both historical and logical pre-conditions."

The relevance of the study is dictated by the relevance and popularity of the direction itself and by approach of the virtualistic. This, in turn, is due to the emerging methodological crisis in the General Humanities and social Sciences, conditionally correlated and associated with the situation of postmodern and theoretical installations of poststructuralism. Such a crisis calls for new philosophical paradigms, and virtualistics claims this status. It seems to us important to understand and include it in the historical and logical context. The subject of the article is the relevance of this approach, our task, in particular, is a clarification of the reason why modern theorists and philosophers to politycznym theoretical constructs and ontological structures. In our opinion, the establishment of the historical context of virtualism will help to identify methodological opportunities, heuristic value and boundaries of the application of this approach.

Keywords: virtualistics, polyontology, historicism, negate

References

1. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo* [In the shadow of the silent majority, or the end of the social] / transl. from Fr. N. V. Suslov. Ekaterinburg. Publishing house of the Ural Un-ty. 2000. 95 p.
2. Gasparyan D. E. *Social'nost' kak negativnost'* [Sociality as negativity]. M. Publ. house "Universitet". 2007. 256 p.
3. Demin I. V. *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [Philosophy of history in the post-metaphysical context]. Samara. Samar. Humanit. Acad. 2015. 251 p.
4. Žižek, S. *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the desert of the Real] / transl. from English A. Smirny. M. Fund "Pragmatics of culture". 2002. 160 p.
5. Il'enkov E. H. *V. Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the ideal] // *Logos* – Logos. 2009, No. 1, pp. 6–62.
6. Ionin L. G. *Diffuznye formy social'nosti (k antropologii kul'tury)* [Diffuse forms of sociality (to anthropology of culture)] // *Sociologicheskie chteniya : sb. materialov ezhegod. metodolog. seminara* – Sociological readings: collection of materials of annual methodolog. seminar. 1997, No. 2, pp. 50–90.
7. Nosov N. A. *Virtual'naya psihologiya* [Virtual psychology]. M. Agraf. 2000. 432 p.
8. Pronin M. A. *Virtualistika v Institute cheloveka RAN* [Virtualistics of the Institute of human RAS] / Rus. Acad. of Sciences; In-t of philosophy. M. IPHRAS. 2015. 179 p.
9. Tereshchenko N. A. *Social'naya filosofiya posle «smerti social'nogo»* [Social philosophy after the "death of the social"]. Kazan. Kazan Un-ty, 2011. 368 p.
10. Horuzhij S. S. *Ocherki sinergijnoj antropologii* [Essays on synergetic anthropology]. M. In-t of Philosophy, Theology and History of St. Thomas. 2005. 408 p.
11. Chesnov YA. V. *Telesnost' cheloveka: filosofsko-antropologicheskoe ponimanie* [The human corporeality: philosophical anthropological understanding]. M. In-t of Philosophy of RAS. 2007. 213 p.